

В целом параметры, на основании которых формируется отношение к фамилии, совпадают, независимо от того, как носитель оценивает свою фамилию или именной комплекс в целом (положительно, отрицательно, нейтрально или неопределенно).

И. В. Родионова

Глаголы с антропонимической корневой морфемой в русских народных говорах (I)¹

Лексические единицы отантропонимического происхождения, употребляемые в апеллятивной функции, – достаточно распространенное явление в говорах. В большинстве случаев форма дериватов «традиционна», т. е. языковой знак при определенных трансформациях десигната сохраняет свой типичный для исходного функционирования экспонент – субстантивную либо адъективную форму. Таким образом, мы имеем дело с семантической деривацией, когда антропоним – в своем основном, деминутивном, деминутивно-экспрессивном варианте либо в виде притяжательного прилагательного – используется в функции разнообразных имен нарицательных. Хотя, с нашей точки зрения, подавляющее большинство такого рода языковых фактов не позволяет говорить об апеллятивации в полном смысле слова. Это употребление личного имени скорее подобно метафорическому, поскольку сохраняется частная категориальная семантика антропонима (идея его отнесенности к классу людей) и параллельно с этим продуцируются дополнительные, новые смыслы, все же не обладающие такой силой и устойчивостью, чтобы совершенно превратить антропоним в апеллятив: если носитель языка называет гриб *дунькой*, а неряшливую женщину *маланьей*, в его сознании не происходит полного абстрагирования от того факта, что *Дуня* и *Маланья* прежде всего женские имена; как раз на этой базе, посредством актуализации более конкретных компонентов концепта женщины, в семантике антропонимов возникают и закрепляются дополнительные смыслы «апеллятивной природы».

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ молодым российским ученым МК – 3565.2004.6.

В связи с этим особый интерес представляют антропонимические глаголы, поскольку они реализуют следующий, весьма значительный, шаг личного имени собственного на пути к деонимизации. Антропоним, превратившись в корневую морфему глагола, несет главным образом конкретную семантику апеллятивного характера, а отсылка к категориальной семантике онима здесь значительно слабее.

В ходе рассмотрения комплекса глаголов, корневые морфемы которых предположительно имеют антропонимическое происхождение, мы пришли к выводу о том, что возникновение и закрепление в языке этой группы слов может идти под воздействием нескольких факторов.

Во-первых, появление глагольного деривата может быть закономерным следствием того, что антропоним обладает в языке устойчивыми культурными коннотациями либо является носителем конкретного коннотативного смысла, будучи регулярно употребляемым не только как имя собственное, но и во вторичном, нарицательном значении; в исследованиях такие имена получили названия прецедентных имен, коннотонимов².

Во-вторых, импульсом для деривационного шага такого рода часто является аттракция, когда созвучие антропонима с определенным апеллятивом позволяет первому трансформироваться в корневую морфему глагола и стать носителем значения, подобного значению этого апеллятива.

Наконец, в-третьих, вовлечение антропонимов в процесс глагольной деривации может поддерживаться определенной семантической моделью, которая обуславливает мультиплицирование одного смысла в глаголах с корнями различных антропонимов; ср., например, ряд диалектных глаголов со значением 'обмануть/обманывать': *объе́горить* [Моисеева, 37], *обкузьмить* [СРНГ, 22, 78], *обмику́лить* [СРГСУ, 3, 23; СРНГ, 22, 128], *объемéлить* [СРНГ, 22, 274], *объерёмить*, *объеро́шить* [Там же, 278], *офа́лить* [СРНГ, 25, 20], *опаранивать* (удар.?) [Там же, 23, 236]. Эта парадигма является открытой – подобные дериваты возможны и от других антропонимов, причем данная семантико-деривационная модель иногда реализуется практически без участия фактора коннотаций и фактора аттракции, т. е. сам по себе производящий антропоним ни по коннотативному содержанию, ни по форме может не соотноситься с идеей обмана.

Остановимся на глаголах, образованных от коннотативных антропонимов.

Интерпретация данного материала сопряжена с определенными труд-

---

² См.: Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999; Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вopr. языкознания. 2003. № 2. С. 55–72.

ностями, связанными с проблемой достоверности этимологии некоторых языковых фактов. С одной стороны, версии онтоантропонимического происхождения лексемы трудно противопоставить какую-либо другую. С другой – примеры фонетической трансформации корня (ср., например, *объегорить*, *обигорить*, *обыгорить*) или случаи, когда семантическая модель реализуется посредством дериватов одной, причем весьма периферийной, деминутивной формы (*маруха*, *марушить* < *Мария*), заставляют усомниться в приоритетной роли антропонима как этимона. В принципе, глагольная семантика настолько чужда семантике онима (в том числе и коннотированного), что, предполагая у глагольной единицы онтоантропонимическое происхождение, следует помнить о «презумпции» апеллятивного источника.

В ряде случаев глагол может быть возведен к антропониму, который в данной традиции является культурным знаком, прецедентным именем, носителем комплекса коннотативных смыслов. Таковыми являются имена персонажей библейско-христианской традиции – агнионы (*Иисус Христос*, *Иуда*, *Адам*, *Пилат*, *Георгий Победоносец*, *св. Никола* и пр.), значительная часть которых выступает также в функции хрононимов (*Егорий Вешний*, *день Кузьмы и Демьяна*, *день Ивана Купала* и пр.). Таким образом, план содержания этих имен может включать в себя коннотации различного типа – сюжетно-нарративные (представление о казни Христа, о чудесах, совершенных св. Георгием и пр.), характерологические (Пилат – жестокий, Иуда – корыстный, жадный), визуальные (св. Георгий – с копьем и на коне), обрядово-акциональные (запрет употреблять в пищу продукты круглой формы в день Иоанна Предтечи). Хрононимическая роль имени может дополнить его коннотативный комплекс представлениями, связанными с бытовыми обычаями, народными приметами.

Например, существовал своеобразный трехдневный цикл декабрьских праздников: 4 декабря ст. ст. – день св. Варвары, 5 декабря – день св. Саввы, 6 декабря – день св. Николая (*Никола зимний*). Поскольку празднование сопровождалось отказом от работы и пированьем, естественно появление отхрононимических глаголов, значения которых реализуют идеи праздности, лени, кутежа: *проварвариться* ‘прогулять, промотать заработок’ (казан.) [СРНГ, 32, 92]; ‘не успеть что-либо сделать’ [СРГА, 3/2, 169]; ‘пролениться, не работать какое-то время’ [НОС, 9, 37]; *посавить* ‘отпраздновать день св. Саввы’ [СРГК, 5, 87]; *просавиться* ‘остаться без средств после празднования Саввина дня’ (арх.) [СРГК, 5, 286]; *просалиться* (из *просавиться*) ‘пролениться, не работать какое-то время’ [НОС, 9, 37]; *помиколить* ‘отпраздновать день св. Миколы’ [СРГК, 5, 72]; *заниколить* (сев.), *заниколиться* (ворон.) ‘начать праздновать, пить, как пьют в Николин день, запьянствовать’ [СРНГ, 10, 279].

Достаточно многочисленные глагольные образования с корнем, производным от имени *Георгий/Егорий* (*егор-*, *егар-*, *игор-*, *ыгор-*) необходимо интерпретировать с учетом высокой коннотативной нагруженности данного онима – имени одного из наиболее значимых персонажей народной культурной традиции. Глаголы делятся на две семантические группы, – соответственно просматриваются две линии семантического развития.

Лексемы одной группы эксплицируют негативные смыслы, связанные с идеей нанесения ущерба кому-, чему-либо. Предположительно, основным, исходным здесь следует признать значение ‘обмануть/обманывать’ – именно этот лексико-семантический вариант получил наибольшее распространение в говорах: *егóрить* (пск.) [СРНГ, 8, 317], *обигóрить* (калуж., тул., орл.) [Там же, 22, 58; СОГ, 8, 18], *объегáривать* (курган.) [СРНГ, 22, 274], *подъегóрить* (ворон.) [Там же, 28, 261], ср. также прост. *объегóрить* ‘обмануть, провести’ [СРЯ, 2, 578]. Версии о происхождении деривата строятся исходя из хрононимического значения имени: день Егория осеннего (26 ноября) был сроком вольного перехода крестьян от одного барина к другому, а также временем расчетов, осуществления сделок и пр., в связи с чем и приобрела актуальность сема обмана [Фасмер, 3, 110–111; Петровский, 415]. Ее дальнейшими модификациями – на базе общей идеи нанесения вреда, урона – следует, вероятно, признать развитие семантики битья (*переегóрить* ‘сильно побить’ (влад., моск.) [СРНГ, 26, 98]), порчи вещи, разрушения материальных ценностей (*объегóрить* ‘слишком коротко и неровно обрезать’ («Ну уж портниха, она как мне весь пальто объегорила»)) [Малеча, 3, 44]; ‘общипать’ (яросл.) [СРНГ, 22, 274]; *объегóренный* ‘разрушенный, испорченный’ («Приезжали вчера – объегорено всё, оборвано и радио, и телевизор»)) [СРГА, 3/1, 183]), провоцирования на что-либо (*подъегóрить* ‘подбивать, подговаривать’ (орл.) [СРНГ, 28, 261]).

Другая многочисленная группа дериватов, фиксируемая в ряде средне- и южно-русских говоров, в некотором роде противоположна предыдущей, поскольку реализует преимущественно «положительные» значения, связанные с идеей приобретения, обустройства: *объегóрить*, а также *обигóрить*, *обыгóрить* ‘приобрести с трудом, с горем пополам’ («Я к зиме все-таки обигорил своему мальчонку валенки, полушубок, шапку»)) (курск., тул., орл., ворон., калуж., ряз., моск., твер.); ‘добыть, достать, сберечь, сэкономить путем расчета, сокращения расходов; выгадать’ («Может, обигорю немного деньжат, ребятам pošлю»)) [СОГ, 9, 18–19; СРНГ, 22, 282 – калуж.]; *обигóрить* ‘сделать, построить, наладить что-либо с трудом’ («Насилу обигорил себе лачугу»; «А ты ее (метлу) веревочкой вот так обигорь, так ина и будет тебе хороша»)) (калуж., тул., ряз., дон.); ‘прибрать, привести в порядок (хату,

комнату, повесть и т. п.)' (ряз., ворон., курск.) [СРНГ, 22, 282]; *объе́горить*, *оби́горить*, *обы́горить*, *оби́ли́горить* 'изготовить или купить для обзаведения'; 'снабдить необходимым в достаточном количестве, обеспечить' («Ты одну дочь обийгорить не можешь, а у меня их пятеро»); 'отделить, выделить часть чего-либо; уделить' («Хведя пачку табаку мне обигорил»); 'найти свободное время для чего-либо; удосужиться' («Обигорил только одно письмо написать») [СОГ, 9, 18–19]; *оби́гори́ться* 'поправить хозяйство, обжиться, справиться с трудностями' (калуж., курск.) [СРНГ, 22, 58]; *объе́горить* 'выпросить, раздобыть' (курск.); 'уладить какое-либо дело' («Не робей, мы это дело живо объегорим») (тул., арх., ворон.) [Там же, 274]. Эти лексико-семантические варианты тоже могли возникнуть на базе идеи обмана – по модели: обман → получение выгоды → приобретение, прибыль. Однако более вероятным кажется предположение, что мотивирующую роль в данном случае сыграла идея благополучия как доминанта представлений, связанных с образом св. Георгия, который в славянской традиции считался защитником скота, покровителем земледельцев, обеспечивающим успешное начало весенних сельскохозяйственных работ (ср. обряд первого выгона скота на Юрьев день, обращение к Георгию в обрядах, связанных с началом весенней пахоты и т. п.) [СД, 1, 496–498].

Дериваты от имени *Кузьма* со значением 'обмануть' (*кузьми́ть* 'обманывать' (тул.) [СРНГ, 16, 28], *обкуз(ь)ми́ть* 'одурачить, обмануть' (пск., смол.) [Там же, 22, 78] интерпретируются исследователями как возникшие по той же модели, что и глагол-синоним *объе́горить*: один из дней почитания св. Кузьмы и Демьяна (17 октября ст. ст.) был расчетным днем в сельскохозяйственных договорах [Преображенский, 2, 68; Фасмер, 3, 110–111]. Можно указать на центральное место брачно-свадебной тематики в народных представлениях о Кузьме и Демьяне [СД, 3, 22–24], которая могла оказать влияние на актуализацию идеи обмана³. Примерами дальнейшего развития на базе семантики обмана в сторону идеи доставления неприятностей являются глаголы *кузьми́ть* 'донимать; ставить в затруднительное положение' («Он начал было меня кузьмить (вопросами)») (моск.) [СРНГ, 16, 28]; *подкузьми́ть* 'поставить в затруднительное положение, подвести' [СРЯ, 3, 194]; 'подвести' («Но сахару нет – вот так подкузьмило») [СРГСП-Д, 2, 113]⁴.

³ Модель семантического переноса «любовь, сватовство, брак → обман» имеет место в диалектной традиции, ср., например, систему значений у лексем, имеющих, скорее всего, апеллятивное происхождение: *ма́рьяжить* 'свагать', 'кокетничать, стараться увлечь, заинтересовать собой', 'находиться в любовных отношениях' и 'обманывать' [СРГМ, 4, 16]; *обма́зхтать* 'обвенчать', 'женить, выдать замуж поспешно, обманом, тайком' и 'обмануть, обвести' (сев.-рус., сиб., урал.) [СРНГ, 22, 117].

⁴ Ср. также: *ку́зку* (*ку́зку*) *подпусти́ть* 'досадить кому-либо' (ряз. и др) [СРНГ, 16, 27].

Интересные апеллятивные единицы хрононимического происхождения фиксируются в ярославских говорах: *спиридо́нить*, *спиридо́нствовать* ‘подвергаться высылке и самовольно возвращаться’ [ЯОС, 9, 63]; ср. также: *спиридо́н*, *спиридо́н-поворо́т*, *спиридо́нка* (жен.) ‘о человеке, высланном за неисправность в бумагах без осуждения, но самовольно возвратившемся назад’; *спиридо́нка* ‘официальная пометка о самовольном возвращении подвергнутого высылке лица’; *спиридо́ну кла́няться* ‘воротиться самовольно после высылки’ [Там же]. Очевидно, что это факт игрового переосмысления названия дня 12 декабря – день Спиридона Солоновороты (Солнцевороты) [Калинский, 69]; ср. местный вариант названия этого праздника *спиридон-поворот* [ЯОС, 9, 63].

В процесс глагольной деривации включаются также онимы, находящиеся вне узуального антропонимикона русской традиции и принадлежащие центральным персонажам библейско-христианской традиции: *Иисус Христос*, *Пилат*. При этом производящей семой может стать обобщенное, сжатое представление о характерологически-ролевом признаке персонажа: например, Пилат – тот, кто приговорил Христа к мучительной казни, т. е. злодей, жестокий человек, ср. *пила́т* ‘о жестоком человеке, мучителе’ (калуж.), *пила́тить* ‘мучить, тиранить, истязать’ (калуж., ворон., курск.) [СРНГ, 27, 27].

Возникновение других лексико-семантических вариантов этих слов обусловлено, с одной стороны, дальнейшими семантико-деривационными процессами на базе идеи негативного (физического или вербального) воздействия, с другой, – аттракцией *Пилат* – *пилить*. Последнее могло также способствовать закреплению в семантике именно акционального компонента, что проявилось в преобладании глаголов среди производных: *исти́ла́ть* ‘нанести ущерб здоровью кого-либо’ [СРГМ, 2, 122]; *пила́титься* ‘мучиться’ (курск.) [СРНГ, 27, 27]; *пила́тить* ‘заставлять, принуждать сделать что-либо, поступить каким-либо образом’ [СОГ, 9, 97]⁵; ‘бить, сечь кого-либо’ (волог.); ‘упрекать кого-либо, «пилить»’ (курск.); ‘резать’ (тамб.) [СРНГ, 27, 27]; *пила́тничать* ‘пилить дрова’ [СВГ, 7, 58].

Глагольные дериваты прецедентных имен могут эксплицировать содержание иного характера: не столько составляющие образа самого персонажа, сколько смыслы, вычленившиеся из контекста бытования знака в культурной традиции. Например, глаголы от имени *Христос* с семантикой просьбы – *христа́ть* ‘просить милостыню’ [КСРНГ], *нахристи́ть* ‘попросить’ («Нахристила: “Маша, заплати за меня растрату”») (арх.) [СРГК, 3, 399] – возник-

⁵ Ср. также: *пила́т* ‘об очень умном, надоедливом, нудном (выделено нами. – И. Р.) человеке’ [СОГ, 9, 97].

ли, вероятно, вследствие широкого использования имени в языковых клише с апеллятивной прагматикой (*Христа ради, Христовым именем*, ср.: *Христа ради жить, кормиться* 'из милости'; *Христа ради просить, побираться* 'жить милостыней, нищенствовать'; *Христовым именем жить* 'нищенствуя, собирая Христа ради' [ССРЛЯ, 17, 474–476]; *христара́д* 'нищий, просящий милостыню' [КСРНГ], *христара́дник* 'то же' [Даль, 4, 565], *христара́дит* 'нищенствовать, побираться, просить милостыню' [КСРНГ], *христара́дничай* 'то же' [Даль, 4, 565]). Такая семиотическая роль имени, в свою очередь, способствовала приобретению особой актуальности в его плане содержания мотива бедности, обездоленности, который дает разнообразные рефлексy в языке: *христо́вник* 'плохая одежда, напоминающая о собирании милостыни Христовым именем'; *христо́вый, христо́венький* 'плохой (т. е., очевидно, нищенский, бедняцкий. – И. Р.)' («Мужики христовые, все в дырявых дерюжках»; «Хлеб христовенький, серый»); *жить о Христе Боже* 'жить бедно' [КСРНГ]; *на христе христом* 'очень плохо' [ФСРГС, 214]. В этом же контексте можно рассмотреть глагол *прихристоситься* 'притвориться тихим, смиренным, несчастным' («Казак не гордый человек: где смелостью возьмет, а где прихристосится») (р. Урал) [СРНГ, 32, 52]⁶.

Наконец, производящей базой глагольных дериватов могут быть антропонимы, обладающие таким коннотативным комплексом, происхождение которого нельзя объяснить агнонимической либо хрононимической ипостасью имени. В этом плане особый интерес представляют антропонимы в апеллятивном значении и их глагольные дериваты, зафиксированные на одной либо смежных территориях. Обратимся к языковым фактам такого рода.

Примечательно, что в целом ряде глаголов, у которых обнаруживаются отантропонимические апеллятивы-производящие, эксплицируется семантика лжи, обмана. При этом выявляются две деривационные модели: отсубъектно направленная (производящий субстантив обозначает субъекта действия – лжеца, обманщика) и отобъектно направленная (мотивирующая лексема обозначает объект обмана – глупца, растяпу).

В частности, пример реализации отсубъектной модели можно найти в тверских говорах, где отмечены глагол *дѣмь* 'лукавить, обманывать' и существительные *дѣма, дѣмка* 'обманщик, плут' [СРНГ, 7, 349], которые,

---

⁶ В лексеме можно также усмотреть экспликацию идеи смирения. Подробнее о прецедентном содержании имени Иисус Христос в русской диалектной традиции (мотивы праведности, странничества, благополучия и др.) см.: Родионова И. В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 161–166.

очевидно, произошли от зафиксированных на той же территории единиц *дёмшты* (*демёшкины*) *ребята* 'нечистые духи, черти', *демёшка* 'сатана, демон' [Там же]. Последние же представляют собой номинации эвфемистически-игровой природы, возникшие вследствие аттракции слов *демон* и *Дёма*, *Демьян*.

В говорах Рязанской области глагол *елёсить* 'льстить, заискивать, угождать' следует связывать с *елисёй* 'хитроумный человек, лицемер', *елёся* 'льстец' [СРНГ, 8, 340] (ср. также в соседних тульских говорах *елёсничать* 'льстить, заискивать, угождать' [Там же]). Возможность использования имени в данном аппелятивном характерологическом значении обусловлена, вероятно, аттракцией *Елисей*, *Елеся* – *лесть*.

В северно-русских говорах весьма вероятна деривационная связь глаголов *подсолломóнить* 'приврать' [СРНГ, 28, 190], *осолóмотить* 'обмануть, провести' [СРГК, 4, 251] с лексемой *солломóн* 'двуличный человек, проныра' [КСГРС]. В данном случае возникновение такой семантики у имени может быть обусловлено корреляцией мотивов обмана и гадания, поскольку метонимическое название *соломон* обозначало гадательный круг с изображением царя Соломона; на круг бросали зерно или восковые шарики и по цифре, на которую они падали, определяли предсказания: «Я ворожила на соломоне: такой круг, мужик нарисован и написано там, чего к чему» [КСРНГ; см. также: СРГСУ-Д, 513].

Деривационная модель «дурак, глупец → одурачить, обмануть» также реализуется в исследуемом материале неоднократно. Нижегородское *объемéлить* 'обмануть, провести' [СРНГ, 22, 274] можно соотнести с зафиксированным на соседней территории (в Мордовии) словом *емéля* 'недалекий, несообразительный человек' [СРГМ, 2, 47]. В русских говорах на территории Башкирии отмечен глагол *оббакúлить* 'обмануть' [СРГБ, 2, 111], который может быть связан отношениями производности с лексемой *акúлюшка* 'глупенькая' [Там же, 1, 20].

Вероятно, отантропонимическое происхождение имеют глаголы *офáлить* 'обмануть, надуть', *офáлиться* 'ошибиться, обмануться' (казан., нижегор.) [СРНГ, 25, 20]; в соседних с нижегородскими вятских говорах фиксируется существительное *фалалéй* 'зеваха, зеворот' [Васнецов, 357], ср. также диалектизм без указания места *фáля* 'простак, простофиля, разиня' [Даль, 4, 531]. Что касается возникновения данной семантики у субстантив-

---

⁷ Впрочем, нельзя исключать связи данной единицы с антропонимом *Аббакум*; ср. другой фонетический вариант в тех же говорах *оббакúмить* [СРГБ, 2, 111].

ных форм, то в качестве способствующих могли выступить такие факторы, как аттракция (например, имя *Акулина* могло быть народно-этимологическим способом соотнесено с дериватами праславянского корня **kul-* ‘гнуть’, имеющими семантический компонент ‘деформированный, неправильный, не такой, как следует, неудачный и т. п.’⁸), фоносемантическая интерпретация формы имени (имя *Фалалей* благодаря повторяющемуся гласному *a* могло ассоциироваться с открытым ртом → ротозейством → глупостью). Следует также учесть, что значение ‘дурак, глупец’ является одним из наиболее частотных в комплексе характерологических номинаций антропонимического происхождения, следовательно, привязка этого значения к тому или иному имени могла произойти в значительной степени вследствие срабатывания доминантной семантической модели⁹.

В говорах Западной Сибири и Прибайкалья глагольную реализацию получили коннотативные семы антропонима *Иван*, связанные с идеей важничанья, самовозвеличивания: *ивáнить* (*сам себя ивáнит*) ‘о том, кто превозносит себя, ведет себя высокомерно; хвастается’ («Сам себя иванит, быдто хто-то я») (том.) [СРНГ, 12, 55; 36, 72; ФСРГС, 170]; *ивáниться* ‘модничать, форсить’ (тобол.) [СРНГ, 12, 55]; ‘завзнаваться, превозносить себя, важничать’ («Раньше оделась если хорошо, говорят: ой, задаётся идёт, иванится!»; «Соседка моя иванится, сама себя гордо ставит») (прибайк.) [СРНГ, 12, 55; СРГП, 1, 148]. На этой же территории отмечены фразеологизмы, где в роли экспликатора данного содержательного компонента выступает непосредственно антропоним: *строить из себя Ивана* ‘важничать’ («Съездит куда и строит из себя какого-то Ивана, и ноги нарастопырку ставит») (том.) [ФСРГС, 192]; *из себя Ивана представлять* (*корчить*) ‘завзнаваться’ («Выбражат, из себя Ивана корчит. Сам Ванька, а Ивана представляет») (омск.) [Там же, 150]. Можно назвать два фактора, обуславливающих происхождение этих выражений. С одной стороны, здесь можно усмотреть рефлекс представлений о широко известной московской колокольне *Иван Великий*¹⁰. Семантика большой вы-

⁸ Подбор лексем с подобной семантикой см.: Галинова И. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 183–193.

⁹ Подробнее об этом см.: Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. М., 2005. № 6 (в печати).

¹⁰ Согласно распространенному мнению, данное представление отразилось во фразеологических единицах *звонить* (*валять, скакать, кутить* и т. п.) *во всю Ивановскую* [Даль, 2, 5].

соты¹¹ метафорически трансформировалась в семантику надменного поведения, ср. вариант *нести высоко себя, выше великого Ивана* ‘о надменном, кичливом человеке’ («Задачливый человек, несет высоко себя, выше великого Ивана») (омск.) [СРНГ, 37, 97]. Другой фактор – более общего порядка – заключается в основополагающей роли противопоставленности полного и деминутивного вариантов имени *Иван – Ванька* (ср. контекстную иллюстрацию); как известно, по нормам народного речевого этикета, формы типа *Ванька* были уместно-нейтральными только при обращении к детям, а по отношению к взрослым нередко становились носителями оценочно-уничтожительной прагматики (ср. «Млад, да Иван, стар, да Иванька» [СПП, 131]). При этом на выбор имени, безусловно, оказало влияние его восприятие носителями языка как наиболее «типичной» единицы русского антропонимикона (ср. «Нет имен супротив Иван, нет икон супротив Никол» [ПРН¹, 3, 117]. Антропоним *Иван* в русской языковой традиции в большей степени, чем другие антропонимы, является носителем концепта человеческого имени вообще, соответственно, понимание акта именования как величания также может быть составляющей плана содержания имени *Иван*.

Об устойчивости же коннотаций «имеющий низкий социальный статус», «неуважаемый» у деминутивной формы имени свидетельствует отмеченное на южно-русских территориях существительное *ивáнька* ‘о том, к кому неуважительно обращаются, о ком неуважительно отзываются’ (курс., калуж., смол.) [СРНГ, 12, 57]. Поскольку неуважительное отношение к представителю крестьянского социума часто обуславливалось его бедностью, то с данной лексемой отношениями производности, возможно, связан зафиксированный на соседней брянской территории глагол *проивáньковать* ‘жить в нужде’ («Я уже давно проиваньковаю на сухом хлебе») [Там же, 32, 144]. Впрочем, стоит также указать на хрононимический код: день Усекновения главы Иоанна Предтечи (Ивана Постного) предвлялся особо строгим недельным постом, что породило соответствующие коннотации (голодание → голод, нищета), отразившиеся, в частности, в пословицах («В одном кармане Иван Тоший (Постный), в другом – Марья Леготишна» [ПРН¹, 1, 165])¹².

Единая территориальная привязка (Средний Урал) позволяет предполагать отношения производности у характерологической номинации *мíтя* ‘не-

¹¹ Она, кстати, эксплицирована в фитониме *ивáн вели́кой* ‘травянистое растение (какое?)’; ср. мотивировочный контекст: «Иван великой – высокая трава белая. Уж больно он высокой и сочной вырастает – вот и назвали иваном-то великим» [КСГРС].

¹² См.: Березович Е. Л. Две семантические реконструкции: I. Иван да Марья: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда. II. Вороного коня в поле не выдать // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 132.

расторопный, медлительный, растяпа' [СРГСУ, 2, 133] и глагола *проми́титься* 'ошибиться' [Там же, 5, 30]. При этом следует учесть, что мотивирующим фактором возникновения последнего могла также стать аттракция (*проми́титься* – **проме́титься* 'промахнуться').

В говорах Алтая и Сибири фиксируются глаголы *марухáниться* 'дружить, гулять с кавалерами' [СРГА, 3/1, 59], *мару́игить* (новосиб.) 'встречаться, проводить время вместе (об отношениях парня и девушки)', 'изменять мужу, жене' [СРНГ, 17, 377]. Лексемы являются дериватами субстантивных форм, широко представленных в русских диалектах, в том числе в алтайских и сибирских говорах: сиб. *мару́ха* 'возлюбленная, любовница' [Там же]; 'избранница, возлюбленная'; 'дочь на выданье, невеста' [СРГА, 3/1, 59]; *мару́х, мару́ха, марухáн* 'парень, жених, возлюбленный' [Там же]; ср. также факты с другой территориальной привязкой: *мару́ха* 'возлюбленная, любовница' (влад., ворон., дон., моск., новг., пенз., тул.); 'гулящая женщина, проститутка' (дон., твер., тул.); *мару́шка* 'женщина, жена' (дон., кубан.); *мару́игиться* 'любить друг друга' (самар.) [СРНГ, 17, 377]. Наличие в числе уменьшительных форм имени *Мария* варианта *Маруха* [Петровский, 340] позволяет предположить отантропонимическое происхождение приведенного словообразовательного гнезда. Интегрирующей семой гнезда является идея любовно-брачных отношений. Можно предположить, что ее возникновение произошло на базе общей семы женскости, которая в большей степени, чем у других женских антропонимов, актуальна для имени *Мария*, поскольку оно – подобно имени *Иван* – способно выступать в функции родового наименования, акцентированно эксплицируя частную категориальную сему «женщина вообще»¹³. Примеров такого словоупотребления достаточно много как на языковом, так и на паремиологическом уровне¹⁴. Со своей стороны, приведем факты, где деминутивные варианты имени *Мария* функционируют как апеллятивы, обозначающие другие «сущностно женские» социальные роли: *ма́нька* 'маменька' (пск., твер.), 'кормилица' (новг., перм.) [СРНГ, 17, 366–367], *маня́ня* 'мать' [ЯОС, 6, 32].

В олонецких говорах отмечены два глагола, используемые для обозначения агрессивного, недоброжелательного поступка или поведения: *доси́дóрить* 'досадить кому-либо' [СРНГ, 8, 140], *си́дорить* 'злить, раздражать кого-либо упреками, бранью' [Там же, 37, 290]. Думается, что данные факты можно соотнести, во-первых, с единицами, функционирующими на Рус-

¹³ См.: Березович Е. Л. Две семантические реконструкции... С. 141–142.

¹⁴ См.: Там же. С. 141.

ском Севере: *сідор* ‘северный ветер’; *как сідорову бабу бить* ‘беспощадно, жестоко’ [СРГК, 1, 105, 24]; во-вторых, с диалектизмами других территорий: *как сідорова редька* ‘о надоевшем человеке’ («Ох, и надоел, как сидорова редька») (омск.) [СРГСП, 2, 23], *сідор* ‘остов пугала для отпугивания птиц’ (брян.) [СРНГ, 37, 290]; ср. также выражение-экспрессив *змеиный сідор* ‘бранно о человеке’ (пск.) [СППП, 70].

Имя *Сидор* в народном языковом сознании было ярко коннотированным: в фольклорном и паремиологическом кодах оно принадлежит персонажу сниженному¹⁵ (поп Сидор) или отрицательному, отличающемуся недоброжелательным отношением к окружающим – драчливостью, сварливостью, скупостью¹⁶. Актуализация семы драчливости могла быть также обусловлена аттракцией *Сидор – драться*¹⁷. Таким образом, одной из доминант коннотативного круга имени *Сидор*, является, очевидно, идея агрессии, недоброжелательности, причинения вреда окружающим. Данный вывод подтверждают приведенные языковые факты, где эта идея реализуется в различных вариантах – мотивах причинения физического и морального ущерба (путем брани, битья и прочих действий, вызывающих досаду, раздражение, антипатию). Что касается номинации северного ветра *сідор*, то здесь можно говорить о воздействии со стороны хрононима: день св. Исидора/Сидора (14 мая по ст. ст.) маркирован в народном календаре аттракционно-игровым соотношением с лексемой *сивер*: «Пришли Сидоры – прошли и сиверы» [СРНГ, 37, 290]; ср. также: «На Сидора еще сиверно» [Калинский, 130]. Синтагматический фактор мог обусловить номинативный перенос метонимического типа *сивер* ‘холодный ветер, соотносимый с днем Сидора’ → *сідор* ‘холодный ветер вообще’, однако, думается, семантика агрессивного, негативного воздействия также сыграла здесь немаловажную роль.

Завершая описание глагольных дериватов, возникших на базе коннотативных антропонимов, приведем еще несколько примеров. В отличие от предыдущего материала, здесь глагольные и субстантивные единицы не имеют

¹⁵ Согласно В. Н. Топорову, образ Сидора (Сидора Карповича) в фольклоре представляет собой сниженную, травестированную ипостась Громовержца, в соответствии с чем закрепившийся за именем мотив козы, которую дерут, интерпретируется как рефлекс сюжета о жертвоприношении; см.: Топоров В. Н. Похороны Сидора Карповича // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Тез. докл. конф. М., 1985. С. 107–115.

¹⁶ См.: Мокиенко В. М. Почему так говорят? От авось до ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2003. С. 248–249.

¹⁷ В. Н. Топоров указывает на аттракцию *Сидор – драть* в связи с интерпретацией фразеологизма *драть как Сидорову козу* (см. указанную выше статью).

общей территориальной привязки, однако между ними также можно подозревать деривационную связь.

Глагол *схóврить* ‘сделать, соорудить что-либо нескладно, неуклюже; сшить что-либо нескладно, неуклюже’ («Быстро сховрила себе платье, ни красы, ни радости») [ЯОС, 9, 92–93]; ср. также в составе фразеологизма: *схóврить на банный угол* ‘сшить что-либо нескладно, неуклюже’ [Там же] следует соотнести с номинациями *хóвря*, *хавро́нья*, широко распространенными в народной речи как в значении ‘свинья’ [Даль, 4, 555; СРГСУ-Д, 553]¹⁸, так и в функции характерологически-оценочных единиц, употребляемых по отношению к неряшливому человеку (чаще женщине): *хóвря* ‘неряха’ (пск.) [Даль, 4, 555], ‘неопрятный человек’ (перм.) [СПГ, 2, 503]; *хавро́нья* ‘неряха, грязнуля’ («Опять эта хавронья пришла»; «Никакого порядка нет у этой хавроньи») [СРГА, 4, 192; СРГСУ, 6, 145]; ср. глагольный дериват *хóвриться* ‘становиться ховрею, неряшливым’ (пск.) [Даль, 4, 555]. Стоит заметить, что, во-первых, характерологическое значение лексем *хавронья*, *ховря* является производным от значения ‘свинья’, а во-вторых, данная отантропонимическая единица в большей степени, чем приведенные выше, утратила статус онима и тяготеет к роли апеллятива.

Среднеуральский глагол *замака́рить* ‘добыть, поймать’ [СРГСУ-Д, 179], вероятно, произведен от *мака́р* ‘рыболов’ (влад.), ‘о том, кто занимается отхожим промыслом’ (нижегор., ряз.) [СРНГ, 17, 308].

Наконец, обратимся к многочисленной группе глагольных дериватов с корнем *матрён-* и его вариантов.

Данная группа представляет собой деривационное гнездо с несколькими линиями семантического развития, причем лишь в двух случаях обнаруживается субстантив, в достаточной мере соответствующий по значению глаголам.

Во-первых, глагол *разматрё́ниться* ‘небрежно одеться, стать неряшливым’ (казан.) [СРНГ, 34, 14] может быть соотнесен с характерологически-оценочными единицами, обозначающими неряшливую женщину: *матрёна* (арх., ср.-урал.) [СРГСУ, 2, 120–121; СРНГ, 18, 35]; *матрёнка*, *матрёшка* [СРГСУ, 2, 120–121], *матрёна гузы́нская* [СРГМ, 4, 18].

Во-вторых, лексико-семантические варианты *разматрё́нить*, *разматрё́ниться*, *разматрё́ниться* ‘растолстеть, обрюзгнуть’ (забайк.) [СРНГ, 34, 14] могут быть рассмотрены в связи с предметными номинациями, в которых актуализирована сема ‘большой, массивный’: *матрёна* ‘кувалда’ (костром.)

¹⁸ Ср. также *хóврень* ‘боров’ [СРГСУ-Д, 553].

[ЛК ТЭ], *матрёшка* ‘гриб свинушка’ (иван., юстром., сиб.) [ВС, 3, 282; Жмурко, 43–44; ЛК ТЭ; ПССГ, 138; СОСВ, 156; СРНГ, 18, 36]¹⁹. Вероятно, на возникновение данных коннотаций имени оказало влияние сближение *Матрёна* – *матёрый*, *матереть*.

В других случаях производящий субстантив – антропоним в соответствующем коннотативном значении – не обнаруживается, однако значения, которые реализуют глаголы, могут быть интерпретированы как экспликация коннотативного содержания антропонима *Матрёна*. Значения большинства языковых единиц деривационного гнезда связаны с идеей утраты человеком физической или эмоциональной устойчивости: *разматрёнить* (безл.) ‘разморить, расслабить кого-либо, привести в состояние дремы’ (карел., олон., яросл.) [СРГК, 5, 421; СРНГ, 34, 14; ЯОС, 8, 118]; *разматрёнить* (безл.) ‘разморить, расслабить кого-либо’ (волог., олон., яросл.); ‘заболеть’ (яросл.) [СРНГ, 34, 14]; *разматрёниться* ‘пригреться на солнце’ (заонеж.) [Там же]; ‘стать вялым, апатичным, раскиснуть’ (тихв.) [СРГК, 5, 422]; *разматрёниться* ‘терять волю, выдержку, способность действовать, опуститься’; ‘расплакаться (о ребенке)’ (вост.) [СРНГ, 34, 14]; ‘упасть всем телом, «растянуться»’ [СРГСУ, 5, 55; СРНГ, 34, 14], *разматрёниться* ‘то же’ [СРГСУ, 5, 55; СРНГ, 34, 14 – челяб.]; *заматрёнить* ‘опьянеть’; безл. ‘стать сделаться приятным’²⁰ (дон.) [Там же, 10, 235]. Ср. единицы предположительно того же происхождения: *разматру́нивать* ‘отдыхать после тяжелой работы’ (пск.) [СРНГ, 34, 14]; *разматру́ниться* ‘стать вялым, апатичным, раскиснуть’ («Ну разматрунилась матруня, вишь ты, разболелась») [СРГК, 5, 422 – ленингр.]; *уматро́шиться* ‘устать, измучиться’ [ЯОС, 10, 13], а также единственный обнаруженный субстантивный вариант с подобной семантикой: *матрёна* (*матрёха*) *окарячила* ‘лень напала на кого-либо’ [ЯОС, 6, 36].

Можно предположить, что приведенные дериваты в качестве глубинной мотивирующей основы имеют образ женщины как существа с более слабой – по сравнению с мужской – физической и душевной организацией, менее устойчивого, более подверженного разного рода «падениям», распушенности (плаксивая, неряха, ленивая и пр.). Семантика толщины, больших объемов тела также может быть признана составляющей этого архетипического образа, который, как показывает наш материал, входит в коннотативное содержание имени *Матрёна*. Вполне органично вписывается в данный об-

¹⁹ Ср. примеры словоупотребления, в которых подчеркиваются значительные размеры гриба: «А матрёшки, они широки и они чёрны» [СРНГ, 18, 36]; «Эти – чёрны, матрёшки их зовём. Таки грядами растут, да толсты таки...» [СОСВ, 156].

²⁰ Состояние удовольствия связано с состоянием расслабленности.

раз и мотив брани, скандальности, проявляющийся в номинациях *разматрénить*, *разматрénить* ‘выругать, выбранить’ (яросл.) [СРНГ, 34, 14] (появление которых могло быть, с другой стороны, мотивировано аттракцией *Матрёна* – *мат*, *материть*).

Мы привели языковые факты, составляющие ядро данного мотивационного комплекса, однако ряд примеров может быть продолжен. Если в вышеприведенных глаголах приставка *раз-* имеет значение усиления интенсивности действия (в значительной степени «прийти в состояние “матренности”»), то в следующих дериватах она указывает на аннулирование результата действия (вывести из состояния «матренности»): *разматрénить* ‘разбудить, растолкать’ (калин.); *разматрénить* (твер.), *разматрénиться* (калин.), *разматрénиться* (пск.) ‘проснуться’ [СРНГ, 34, 14]; ср. также лексемы, возможно, того же происхождения с метеорологическим значением: *разматру́нить* ‘становиться погожей (о погоде)’ [НОС, 9, 93]; *разматру́ниться* ‘проясниться, разгуляться’ (новг., петерб.) [Там же; СРНГ, 34, 14].

Доказательством актуальности семантики женского в коннотативном содержании имени *Матрена* является, во-первых, семантическая линия любовно-брачных отношений, представленная глаголом *заматрénить* ‘увлечь, соблазнить’ («Много девок он заматрénил») [СРГО, 1, 218] (ср. также *разматрénиться* (безл.) ‘расстроиться, измениться в отношениях’ («Что у вас разматрénилось-то?»)) [ЯОС, 8, 118]), во-вторых, пример использования имени в качестве нарицательного обращения к девушке: *матрёнка* ‘девчонка, милая’ [Малеча, 2, 410].

Таким образом, мы представили ту часть отантропонимических глагольных дериватов, возникновение которых может быть объяснено актуализацией коннотативного содержания онимов.